

Две фуркации чиновника Мосгороно и вода в кабинете химии

- **1. Пояснительная записка и пара слов до диктофона.**

Кончился трехлетний срок работы по распределению,
вызвал ее директор и говорит:

— Криво у вас в кабинете рисунки висят.

- **2. Нина Евгеньевна в Школе рабочей молодежи.**

...В общем, этот учитель Виноградов,
он попал в такую ситуацию — там ученики умели
рассердить человека, а когда он сильно сердился,
у него прямо пена шла изо рта. В общем, ученики
на него напали. Ну, напали и напали. Я втесываюсь
в эту драку. Мне они орут: «Нина Евгеньевна, отойди!
Отойди!» Ну — слава богу, они его не изувечили.

- **3. Нина Евгеньевна в пятьдесят седьмой школе.**

Да, и во время этого самого дела приходит
какая-то проверка. Какая-то бабенция спрашивает:

«А где директор?» А директор стоит напротив.

[в спецодежде: учителя и администрация красят деревянные сте-
ны физкультурного зала марганцовкой]

Я отвечаю: «А кто ее знает? Понятия не имею.»

- **4. Про высшее руководство.**

Была у меня собака...

- **5. Про жизнь и картины на стене.**

Там я родилась, там потом по мне
бегали мыши, потому что помойки были наводнены
крысами, в общем, это все весело очень было.

Пояснительная записка и пара слов до диктофона

Нина Евгеньевна Лапушкина — наш директор. Ваш — пожалуйста, кто хотите, а наш директор Нина Евгеньевна. Это говорят древние выпускники, до 86 года включительно. Она против этого не возражает, а недавно даже пустила нас к себе домой¹. Дело в том, что мы хотели послушать ее рассказы о том, что было раньше, и о том, что стало сейчас.

Расспрашиваем Нину Евгеньевну — и она отвечает, что сразу после Пед. Института пошла в школу работать. Сначала это были «детские школы», потом Школа рабочей молодежи. На первом же уроке дети ее спросили:

— Нина Евгеньевна, а кто лучше — вы или наш прошлый учитель?

Нина Евгеньевна отвечала по-взрослому, дескать, прошлый учитель лучше, у него уже есть опыт, знает, как вас учить. Однако, было похоже, что и у нее что-то получается. Она освоилась и занялась оформлением кабинета. Ученики несли свои рисунки, она и сама нарисовала несколько — вот взяли все эти картинки и по стенам развесили. Администрация школы, по словам Нины Евгеньевны, ее не любила. Кончился трехлетний срок работы по распределению, вызвал ее директор и говорит:

— Криво у вас в кабинете рисунки висят².

Нина Евгеньевна тогда забрала документы и ушла работать в другую школу³. В ней на первом уроке ученики подъезжали вместе с партами к доске, примерно как у Кассиля в книжке «Кондуит и Швамбрания». Из этой школы Нина Евгеньевна ушла в третью. А там уже — в Школу рабочей молодежи. В то время среди студентов и учеников «детских» школ шла волна увлечения КВН.

Здесь мы перебиваем рассказ и пускаемся в разъяснения. Дело в том, что Марина Георгиевна Прозорова (учительница математики), которая

¹Н. Е. возмущается: «Что вот это значит, “пустила к себе домой”! Ну что это за ерунда?» — и действительно, ерунда.

²Поправка от Н. Е.: запомнили мы неточно; на то, что рисунки якобы криво висят, жаловались другие учителя. А директор сказал — был у нас, дескать, прекрасный кабинет рисования и черчения, а вы, Нина Евгеньевна, его раздраконили.

³Н. Е. говорит: «Английская это была школа, находилась она в Сокольниках, учились в ней дети Маленкова и бог знает еще кого и чего». А Маленков был в то время очень большая шишка в советском руководстве, заместитель Председателя Совета Министров СССР при отсутствии, кажется, собственно Председателя.

привела нас брать интервью и в гостях за нами присматривала, заранее нас предупредила (со слов директора Случа), что Нина Евгеньевна наотрез отказалась записываться на диктофон, фотографироваться и сниматься на видеокамеру. А потом оказалось, что, как это бывает с техникой, тут вышел испорченный телефон — Нина Евгеньевна в самом деле не испытывала никакой радости от того, что ее голос будут записывать, но осознавала, что нельзя без этого. Когда это разъяснилось, Денис Черноокий (он хоть и 98-го года выпускник, но пришел все равно) включил сразу два диктофона. Начиная с этого места текст в той или иной мере следует одной из двух записей, как будто в формате интервью. Хотя это, в общем, никакое не интервью.

Итак, о Школе рабочей молодежи

НИНА ЕВГЕНЬЕВНА Значит, кругом только и было разговоров — КВН то, КВН се, по всем школам так. Ну я и решила — чем мы хуже, чем хуже эти ребята взрослые? И мы устроили вместе с ними самый настоящий КВН.

МИША ФИНКЕЛЬБЕРГ А какой это был год примерно?

Н. Е. Ну вот, какой год. После ШРМ я в пятьдесят седьмой школе проработала четырнадцать лет. Вычисляйте. Так вот, в Школе рабочей молодежи мы открывали набор в сентябре и в январе: отсев в течение года был обычным делом. И я подумала — а почему это у нас должен быть отсев? И отправилась во второй МПЗ — Второй Московский Приборостроительный Завод, вот что это было такое. Сейчас его не существует, а стоял он на проспекте Вернадского. И я пошла по цехам для того, чтобы вернуть в школу этих ребят. Какой был результат — ну, хвалиться я не буду. Тогда в РОНО был, как же его звали?.. Павел Сергеевич, по-моему, он был военный отставник. Никаких бумаг моих он не проверял, даже не смотрел, что у меня творится в журнале — да и никто тогда не проверял наших журналов. А он просто произвел меня в депутаты района, и тогда же я получила значок «отличника». И на второй срок меня тоже выбрали в районные депутаты.

М. Ф. А в каком это году?

Н. Е. Опять в каком году! Сейчас я вам тут буду годы считать.

[...]

М. Ф. Нина Евгеньевна, а в Школе рабочей молодежи вы не были директором?

Н. Е. Была, но только под самый конец. Сначала у нас была прекрасная Евгения Дмитриевна, очень хорошо я ее запомнила. Она буквально заболела на своем посту... и она умерла. Нужен был другой директор. И пришел очень хороший директор — Бек Александр Михайлович. Он пришел, кстати, из каких-то там дальних лагерей. Но его очень быстро забрали в другую школу, или он сам ушел, я не знаю. Замечательный был директор. Вместо него стала директором учительница математики Вартанова, а это вообще ни то, ни се, ни пятое, ни десятое. И вот тот самый Павел Сергеевич, тот, который был тогда в РОНО, назначил директором меня.

ЮЛЯ ФРИДМАН Нина Евгеньевна, вот вы говорите — «хороший директор». А как отличить хорошего от плохого?

Н. Е. Отзывчивый очень человек, это первое. Прямой человек — это второе, это тоже, в общем, немаловажно.

М. Ф. Нина Евгеньевна, а с Еленой Степановной вы познакомились в этой школе...

Н. Е. ...рабочей молодежи. Да, между прочим, из рабочей молодежи я выгребла... то есть, позаимствовала систему кабинетов. Там была очень хорошая учительница, Бохман Анна Михайловна. Она первая ввела вот эти теперешние тесты, тогда это было ее изобретение. И кроме того, в ее кабинете, в кабинете химии была проведена вода. Это я тоже у нее переняла потом.

Вот у нас еще что было в Школе рабочей молодежи — нас слили, девяносто первую с девяносто второй. 92-я школа — это была фабрика «Красная роза», там еще институт был, который готовит шмотье⁴. «Красная роза» — было такое предприятие, и именно оттуда в этой школе были рабочие. Там нас встретили просто в штывы, потому что мы оказались главнее: в 92-й школе директор ушла. Так что там тоже было довольно весело. Пьянство, например. Я проверяла там, извиняюсь, туалеты мужские. Опыт таких проверок я потом передала в пятьдесят

⁴Поправка от Н. Е.: «Ну что это вы за слово такое написали — шмотье! Мало ли как я говорила! Не “шмотье”, а тюли и прочие ткани».

седьмую. И вот однажды я там обнаруживаю бутылку. Беру эту самую бутылку с водкой и разливаю по всему коридору. «Нина Евгеньевна, что вы делаете, что вы делаете?!» — за мной бегут. Пили — ну, ребята взрослые.

Вот еще история — учитель физики, Виноградов, я до сих пор помню. Я еще попыталась его притащить в пятьдесят седьмую. Но он очень быстро ушел, так же, как и Григорьев, потому что они поняли: это не для них. В общем, этот учитель Виноградов, он попал в такую ситуацию — там ученики умели рассердить человека, а когда он сильно сердился, у него прямо пена шла изо рта. В общем, ученики на него напали. Ну, напали и напали. Я втесываюсь в эту драку. Мне они орут: «Нина Евгеньевна, отойди! Отойди!» Ну — слава богу, они его не изувечили.

Ну, и приблизительно то же самое случилось в пятьдесят седьмой школе. Десятый класс «б». Я зашухарила то же самое. Бутылка. Принесли. И я вызываю этого ученика к себе в кабинет. И приглашаю его товарищей. Я рассчитываю на что — что они скажут «да ты что, с ума сошел, что ли, разве так можно», и дело будет сделано, проштрафился человек — отчитали, вот и все, администрации продолжать уже незачем. Молчат! Черт бы их задрал. И пришлось мне этого парня самой выручать каким-то образом из этой ситуации. А они молчат — они испугались. Дети! Спецкласс.

М. Ф. Это что, они прятали в туалете водку, да?

Н. Е. Да.

М. Ф. А вы знали, где искать?

Н. Е. Да господи боже мой. Кабинет открыт — открыт. Летят ко мне ребята из начальной школы: «Нина Евгеньевна, в туалете то, се, пятое, десятое». Ну, значит, Нина Евгеньевна бежит туда, в этот самый туалет, мужской — не мужской, все равно.

О пятьдесят седьмой школе

Мы начинаем с двух важных добавлений, которые сделала Н. Е. по прочтении первой версии интервью. Во-первых, о молоке. Детям в школе после завтрака обязательно полагался стакан молока. За этим строго следили. Директор одной школы в Староконюшенном переулке — кажется, 43, школа

для глухих — однажды забыл выставить это молоко, а в школу пришла проверка. Его вызвали в райком, и с ним случился инфаркт. Во-вторых, о продленке. Маленькие дети на продленке не только ели, но и спали — соблюдался «тихий час». На третьем этаже был особый кабинет, в котором вместо парт стояли кровати. У детей была воспитательница, которая за ними присматривала. Жила она в служебной квартире, соединенной с 57 школой. Таких квартир вроде бы было несколько в том же здании. Сообщив это, обращаемся к диктофонной записи.

Н. Е. Почему я попала в эту самую пятьдесят седьмую школу? Директриса там уходила, искала себе замену. И вот ей такую расписали из меня — фу-ты ну-ты, ножки гнуты! По сему случаю я здесь и оказалась. Непривычно мне это уже было — столько лет перед тем я проработала в Школе рабочей молодежи, то есть, со взрослыми людьми...

Встретил меня Николай Николаевич Константинов, чьи ребята там уже набирали матклассы. Он поговорил со мной и сказал: «Так, это нам подходит».

А сама школа встретила меня — ну как вам сказать — благословила меня, как только сумела. Только я там появилась, раз — и электросчетчик выскочил, произошло короткое замыкание. С этим как-то справились. Второе что было: одежда у меня была довольно... как бы сказать... да просто барахло. Тут же мне сделали замечание учителя: «Нина Евгеньевна, вы что-то не так одеты». Помогла мне с этим одна наша родительница, а была она из Армении. Продала она мне какие-то манатки, и вот их уже сочли приличными. Дальше... Кто в 57 школе был самый главный? Джемс! И Нина Арсеновна, учительница французского языка.

М. Г. Джемс громкий был.

Н. Е. Ну, с Джемсом... там было по-разному. Так или иначе, с ним мы ладили. Во-первых, я на уроках его бывала, во-вторых, ездила с ним на разные мероприятия. На него жаловались девчонки тогда, что он заставляет их делать те же упражнения, что и парней. Ну, в самом деле нехорошо. Однако, с Джемсом мы рано или поздно друг друга поняли. А вот с Ниной Арсеновной вышло не так. Она ведь как воспитывала детей? В основном у нее были обычные, «ашные» классы. И вот если

она сочтет, что ты ни черта не делаешь или еще как-то провинился, раз — снимается ботинок с ноги, два — летит тебе в морду.

М. Г. Швырялась туфлями в нарушителей порядка?

Н. Е. Да. Потом, приходит к ней методист — а они ведь нас не оставляли в покое. Методист говорит: «Она ведет урок неправильно». Раз пришла — неправильно, другой раз — неправильно. Я вызываю Нину Арсеновну, говорю: «Нина Арсеновна, ну так нельзя. Да вот и методист недовольна. А мы и без того — вы же понимаете — так сказать, под крышкой. Давайте как-нибудь...» Но Нина Арсеновна не захотела «как-нибудь» и продолжала кидаться туфлями. Пришлось ее уволить. И я заработала врага, самого настоящего.

М. Ф. А тогда был обязателен французский, вместо английского?

Н. Е. Французский был обязательный, но был и английский. Английский — это были Дина Леонидовна, Валентина Александровна Рожкова... .

М. Г. Была группа английского и группа французского.

Н. Е. Тогда было и то, и то. Что вам еще про это время сказать? Значит, опаздывают детки на уроки. Нина Евгеньевна после звонка стоит внизу и их встречает. Вопрос, куда их девать? В школе нужно наводить порядок. Были уборщицы, но не такие, как хотелось бы. Ну и что делать, щетки есть? есть. Опоздал, садись на щетку, вот так, на карачках. Двое других тебя будут возить по паркету. Все довольны, и замечательно. Избавилась ли я от опозданий? Нет, не совсем. Много опаздывали ребята из математических классов. Встречаю я однажды во время урока, проходя по коридору, Хазина Андрея, который стоит у химического кабинета и заглядывает через стекло в дверь, что там происходит. Я ему говорю: «Ну наконец-то ты стал настоящим учеником!» А то был он такой паинька, сил моих не хватает. Сейчас он со мной в хороших отношениях... .

Ну, чего еще я вам не наболтала? Вот как приходилось воспитывать эти «ашные» классы, много там было хулиганов. Когда это все через край переливалось — вызываю я к себе Джемса и того парня, который на сей раз дал жару. Как правило, Горбунова. Там была у нас династия Горбуновых, от которых не знали, куда деваться. И, значит, я с этим парнем разговариваю. А потом Джемсу говорю: «Джемс Владимирович, вот он делает то-то, то-то и то-то». Джемс тут же — бац ему оплеуху. На этом воспитание кончалось, потом какое-то время все было

в порядке. И однако, тот же самый Горбунов... Вот представьте, идет судебное разбирательство. Суть процесса в том, что мать его по башке щелкнула бутылкой водки. Так вот он защищает мать — я, мол, себя вел не так, и поэтому ей пришлось так поступить.

Я в своем кабинете не сидела, я гуляла по коридору. Потому что интересно не только то, как преподают учителя и как там ученики ведут себя на уроках. Интересно было, что они вне урока, в коридорах, из себя представляют. И вот однажды, проходя так по коридору... (к М. Г.) будь добра, передай мне книжечку вон ту синенькую... я этого никогда никому не показывала, и про это дело никому не рассказывала. Прочитайте, пожалуйста. Это в коридоре Маша Почукаева мне записку передала.

Д. Ч. зачитывает текст из альбома:

Дисциплина была жестокая,
Незнание было глубокое,
Вы пришли, нас расшевелили,
В нашу школу вы жизнь вселили.
Стали сразу мы веселее,
Не глупее, а умнее.
Учителя улыбаются, дети —
Словом, счастливы все на свете.
И поэтому в этот день
От души мы вас поздравляем,
Про свою мы забыли лень,
И характеры мы исправляем.

Так, тут что-то оторвано... Какие-то мы дети... comme il faut...

... на физкультуру мы будем ходить,
Чертежи мы будем сдавать
И уроки мы будем учить.
Пожеланье последнее наше —
Будьте всех добрее и краше,
Дорогая Нина Евгеньевна наша.

И крупным — «НАША»! 8 «в».

Н. Е. Значит, это Ежов был у нас, который был поэтом. Это наш

Ежов, и вот он мне подарил свою книжечку. А теперь вот это — давайте. Сами открывайте.

Ю. Ф. зачитывает текст из альбома:

Выходили в коридор с доброю улыбкой,
Замечали на полу тоненькую нитку,
«Непорядок», — говорили,
Убирали все и мыли,
Помогали нам во всем,
Мы всегда вас в школе ждем!

Н. Е. (*листает альбом*) Так, ну это вот здесь... тоже восхваления, а вот это ребята...

М. Г. Это мой Егор рисовал. Егор Ломоносов.

Н. Е. Вы посмотрите, вот это ребята. 1975 год выпуска. А это учителя. Вот смотрите. Кого вы здесь узнаете?

(Пришедшие, с подсказками Н. Е., перечисляют: Нина Евгеньевна, Джеймс Владимирович, Олег Овчинников, Серафима Зиновьевна, Инна Яковлевна Кленицкая (учитель литературы), Вадим Александрович Ис-аев, военрук Лев Николаевич, Дина Леонидовна.)

Н. Е. А это — какие мы будем через десять лет.

М. Ф. Даже, может быть, через двадцать? Нет, написано — десятый год. А это — уже через тридцать пять лет?

Н. Е. Так, это мы убираем. Вот теперь — эту тяжелую штуку. Это не то... Вот это, смотрите. Это Каневский, и это Регина. Почему они здесь оказались? Потому, что они поженились, пришли в школу, и я устроила из себя сваху. И Регину обсыпала гречневой крупой.

(*смеются*)

Н. Е. (*продолжает*) После этого Регина мне сказала: «Нина Евгеньевна, что вы наделали! Теперь я не знаю, как эту гречневую крупу из платья вытряхнуть.»

М. Г. Помните, они приехали прямо из ЗАГСа, и для них из бумаги, из ватмана, был сделан ковер — весь в розах. Вот этот ковер быстро

раскатали, и по ковру они шли, а Нина Евгеньевна их посыпала, соответственно, гречкой.

М. Ф. Это что, прямо после школы было?

М. Г. После школы, но очень скоро, буквально вот года два, мне кажется.

Н. Е. Теперь дальше. Это Нина Евгеньевна вместе с учениками, «ашного» класса, между прочим, на фоне Елены Степановны. А это Нина Евгеньевна в своем амплуа, с метелкой в руках. Лев Нилыч мне говорит: «Нина Евгеньевна, что вы делаете?» — а я говорю: «Я убираюсь».

М. Г. Это двадцать седьмой, небось. *(Цитирует)* «Борис Петрович, какая сволочь взяла швабру из двадцать седьмого кабинета?» *(Знаменитый диалог, который Нина Евгеньевна и учитель математики Борис Петрович Гейдман вели, находясь в разных концах школьного коридора: «Борис Петрович, какая сволочь взяла щетку из двадцать седьмого кабинета?» — «Нина Евгеньевна, может быть, я и сволочь, но щетку я не брал». Двадцать седьмой тогда был по совместительству кабинетом черчения и математики, а черчение преподавала Н. Е. Лапушкина.)*

[...]

Н. Е. ... От пятьдесят седьмой школы, с тех времен, когда я работала, сохранились Гордин Рафаил, раз; Марина — два... Елена Степановна (география) — но сейчас она ушла. Кстати, это я ее переманила в 57 школу из Школы рабочей молодежи.

Д. Ч. А каким образом?

Н. Е. Ее хотели взять куда-то там на повышение, вероятно, в какой-то методический кабинет. Я ей говорю: «Лен, ты же любишь ребят, ты сама этим увлечена, ну и что тебе, на кой черт это нужно?» Она и перешла со мной вместо этого в школу, и была очень даже рада этому делу. Сохранилась Ленка Стрельникова [...]. Сохранился Пушкин Сергей, ну и Марина Прозорова, остальные учителя новые.

(Н. Е. рассказывает, как, когда она уже была на пенсии, выпускник Каневский приходил к ней обсуждать разнообразные школьные дела, просил даже воздействовать на кого-то, повлиять: «Сейчас он, Каневский — глава “Метростроя”, или чего-то там, где-то что-то. Во

всяком случае, он приволакивал мне такой громадный плакат, где он там восседает». Хвалит из новых учителей Сергея Волкова — но он как раз уже из 57 школы ушел.)

Д. Ч. А вот каких учителей вы... ну, вот каких вам прямо *посчастливилось* затащить в школу? И как вы это делали?

Н. Е. Вот Шемякин Алексей Иванович — это был учитель математики, и он был очень хороший учитель. Но он себя плохо чувствовал, и он сам ушел. Потом появился учитель математики из [нрзб] — то ли он до меня пришел, то ли возник уже в мое время — но он сразу почувствовал, что он не туда попал. И он ушел. Потом пришел Рафаил!

М. Ф. А это вы его нашли, или как это происходило?

Н. Е. Ха. Рафаил пришел сам. А после этого он говорил — это Нина Евгеньевна его выручила, что не остался он вообще на задворках, потому что его нигде не принимали.

Ю. Ф. А Гейдман как?

Н. Е. А с Гейдманом такая штука была, с Борис Петровичем. Вторая школа попала под опалу, и он привел сюда в школу целый класс. Десятый класс целиком, и я его взяла.

М. Ф. Но он же после второй ушел в девятнадцатую?

М. Г. Он к нам пришел из девятнадцатой, Нина Евгеньевна. Там он кому-то, я извиняюсь, дал подзатыльник, его и выгнали...

Ю. Ф. Марина Георгиевна, может быть, дело было не только в этом...

М. Г. Ну, там много что было, но вот полкласса за ним к нам и ушло. [...]

(Обсуждаются преподаватель математики Шпильрейн, которого уже нет в живых, а также Игорь Гершевич Лисенкер, учитель физики — он уехал в Израиль и писал оттуда Н. Е. Оба они, как выясняется, пришли сами.)

Ю. Ф. А как они догадывались, что к вам надо приходиться?

Н. Е. А я понятия не имею, как они догадывались. Вот тут собирались ребята, тоже из спецкласса... Я была на этом сборище, и чувствовала себя, конечно, очень неловко, потому что я уже не узнаю лица... И там мне одна девушка (смеется) ну как девушка — там же и тогда же она

меня познакомила со своим сыном... Как бы то ни было, она мне говорит: «Как вам, Нина Евгеньевна, удалось сохранить школу?» Вот такой был мне задан вопрос, а как на него ответить, я и не знаю. Какая-то чистая интуиция была. По-моему, так; больше ничего.

М. Ф. Интуиция относительно того, как общаться с начальством в РОНО?

Н. Е. В райком-то вызывали все время. Ну, значит, тебя чистят, или что-то говорят неприятное; слушаешь. Но рот не разеваешь. Не оправдываешься — ни-че-го. Потом мне все время, вот, Хазин припоминает — были политзанятия в классах.

М. Ф. Это «политинформации»?

Н. Е. Ну да. На эти политзанятия приходили. И отзыв на это был такой — это мне уже передал Хазин — таких политзанятий не бывает даже в рабочих коллективах.

М. Ф. То есть, то, что они увидели, им понравилось?

Н. Е. Да, похоже, понравилось. Вы меня спросите, куда только они не приходили, что только не проверяли, прощу прощения... Что угодно; вот, например, у нас кончается учебный год. Я выступаю перед ребятами. Вот сидят родители. Каждому из ребят я даю характеристику — но только положительную. И здесь же сидит кто-то из проверяющих.

Была еще при РОНО — да даже не при РОНО, а так, при районе — Комиссия по делам несовершеннолетних. Я в этой Комиссии бывала. Потому что были у нас очень и очень сложные дети — я не говорю про «ашные» классы, про них-то я вам уже рассказала. А тут другая история, маршал... (к М. Г.) как его фамилия, ты не помнишь?⁵ Ну, не важно. Он привел своего внука, а внука повсюду сопровождал адъютант. Привел и сказал: «Я привел его к вам для перевоспитания». Как вам это нравится? Очень мило!

М. Ф. А адъютант и на уроке сидел, или только до ворот доводил?

Н. Е. Нет, на уроке не сидел. Только приводил и уводил. Вообще эта семья состояла вот именно в той Комиссии на учете, потому что там дочь... тоже занималась черт знает чем. А этот молодой человек — Лев

⁵Когда мы во второй раз пришли к Н. Е., уже с текстом интервью, она вспомнила: маршал был Чуйков.

Нилыч вел урок истории и сделал ему замечание. А он Льва Нилыча послал к ядреной фене. После этого пришлось вызывать этого маршала, и он его из школы забрал.

Да, но позвольте, я же не рассказала вам самый кошмар! Вот идиотка-то, вот с чего надо было начинать. А кошмар был такой. Приходит ко мне родитель. У него девочка в младших классах. Как она забралась, эта девочка, в мастерскую, к учителю труда В. К. — я не знаю. Ну, родитель пришел ко мне и подробно описал его действия. Я вызываю к себе В. К. и говорю: «Слушай, приходил ко мне родитель. Он такого наговорил! Но я ему не верю». И К. подает заявление об уходе.

Вместо него приходит другой человек. Но это уже при Марине было, да? Да. . . так вот он вешается. У нас в подвале. Бежит Нина Николаевна: «Нина Евгеньевна-а-а-а!» Дина Леонидовна там же, и она пробует его реанимировать. Ничего не получается. Значит, что делается — комиссия! Ведь в школе это произошло. . .

Но самое ужасное было другое. Идет девочка, 8 класс «а». Экзамены. Раскладывает на столе тетрадошки, и так далее. Все в порядке, никто ничего не замечает. Потом едет на рынок вместе с матерью. Друзья ее видели, как она идет домой, и в руке держит цветок — горшок с цветами. Я иду к школе, должен быть очередной экзамен — и меня встречают ребята. «Такая-то — повесилась!» Я бегу к ним, тем более, что они жили в том же самом районе — и что я узнаю? Папа был жадюга. Они, ребята, направлялись в какую-то экскурсию, или. . .

М. Г. В поход.

Н. Е. . . . и отец не захотел купить ей спальный мешок. И девчонка идет в ванную и вешается на его галстук. Снова приходит комиссия. Журнальчики просмотрели — «четыре», «пять». Поговорили с ребятами — прекрасные взаимоотношения. Я что могу сказать — у меня здесь тоже все нормально. . . Это было самое ужасное, что пережила эта самая школа, а я вместе с ней.

Ну, а потом были случаи совсем другого рода. Приходила Лия Давыдовна, она была зав. РОНО, вместе с Мариной Юрьевной — по-моему, так было ее имя-отчество. Это в исполкоме секретарь. Просматривают журналы. . . Вот сведения об ученике напротив его фамилии. . . И говорят мне: «Нина Евгеньевна, ну что вы написали туда? И отца вписали,

и мать вписали. Зачем же обоих? Могли бы кого-то одного оставить!» Ну — понятно, да?

Д. Ч. Я, если честно, не понял!

М. Г. Отец еврей, отчество не то.

Д. Ч. А-а!

Н. Е. А вот другая история. Вслед за математическими у нас организовались биологические... ну, даже классы. И вела их Соколова Галина Анатольевна. [...] Она мне и говорит: подай, мол, вынь да положь мне этого учителя математики, а не другого! Ну, позволь, пожалуйста, с чего это ради мы будем танцевать перед тобой? Значит, я не соглашаюсь... Там потом образовалась группа, которая называлась «петрашевцы» — потому что Петраш была девочка, она пошла по ее стопам, по стопам Галины Анатольевны. И была там еще девочка Настя, которую обвинили в краже. А где была кража? На квартире у Галины Анатольевны. А при чем тут девочка? А при том, что у Галины Анатольевны была больна мать, и она этих девчонок приглашала к себе, чтобы они ей помогали в уходе за ее матерью...

И вот в какой-то момент приглашает меня к себе Шилов, заместитель Агеева по Мосгороно. И говорит: «Нина Евгеньевна, у вас две фуркации». Я думаю — что это у меня за фуркации? Он продолжает: «Математика и биология!» И поставил меня перед выбором, одно или другое. А так как за Галиной Анатольевной числились вот эти вот самые неприятности, плюс к тому из «а» класса был парнишка, который очень хотел к ней попасть, а она его отвергла — пришлось и мне ее отвергнуть. Надо было оставлять математические классы.

М. Ф. Это, видимо, как раз в моей параллели был последний биологический класс? В 84 году они кончали. То есть, это в 84 году произошло?

Н. Е. Да что же он все спрашивает меня про года, боже мой!

М. Г. Галина Анатольевна пришла с половиной класса тоже откуда-то. Потому что был класс «а» — полкласса осталось — и она вторую половину откуда-то привела. Нина Евгеньевна, вы про Линяева расскажите!

Н. Е. Про Линяева — расскажу. Значит, освобождается место директора в двух школах, это сороковая и пятьдесят седьмая школа. И Линяев...

М. Г. ...инструктор райкома партии по делам молодежи, наведывавшийся к нам с инспекциями...

Н. Е. ...так вот, когда я уходила, этот самый Линяев пришел устраиваться директором в пятьдесят седьмую школу. Я его вызвала к себе в кабинет и говорю: «Дорогой мой, вы куда идете? Разве эта школа — для вас? Вы к нам с проверками приходили? Приходили. Вы вот плакаты наши эти самые, все, что мы здесь делаем, видели? Видели. Делали замечания? Делали. Вызывали меня в райком, и не раз, правильно? Правильно. Что же вы хотите в этой самой школе?» На этом беседа была закончена, и он ушел в сороковую школу. Занял место Шпагиной, которая до него была там директором. Пьяница, каких мало!

А потом приходила еще Галина Дмитриевна, она у нас заведовала детской школой. ...как же эта школа называлась, она была еще где-то за городом? Ну, я с ней по улице только прогулялась, сказала ей: Галина Дмитриевна, хорошая школа у вас, вы там директор, а вот это все вам зачем? Она осталась там, где была⁶.

Интересно, что, когда я пришла в эту школу, Николай Николаевич [Константинов] сказал обо мне: так, это нам подойдет. А когда пришел Сергей Львович — тогда, наоборот, Сергей Львович сказал: «Это меня устроит».

(... об общении с детьми и их родителями)

[...] Выпускной вечер — пожалуйста. Во-первых, я ребятам сразу не отдавала эти самые...аттестаты. Вот я с вами прогуляюсь, а гуляли мы...ну, в таком окружении...вот вы приходите, вот теперь, битте-дритте, ваши аттестаты. Или, например, играют в ручеек — и Нина Евгеньевна вместе с ними играет в этот самый ручеек. То есть, вы понимаете, я не администратор была, нет, никоим образом. Школа для меня была — второй дом, больше ничего. И ребята...были мои ребята. Кстати, приходили очень часто родители, которые начинали жаловаться мне, говорить о своих детях: одни больные, другие не так себя ведут, и так далее, и так далее. А вот когда это произошло...когда повесилась эта девчонка, я собираю родительское собрание и родителям говорю: «Мои хорошие, дорогие, так нельзя...» — да! еще повесился ребенок из восьмого класса

⁶ «Теперь мне кажется, что я тогда совершила ошибку,» — сказала Н. Е., когда мы принесли ей текст для вычитывания.

«б»! Почему? Потому, что родительница не разрешала ему водиться с ребятами какими-то. На собрании я говорю: «Так нельзя! Прежде всего, вы должны знать увлечения ваших ребят. Если не так что — ну посоветуйте, объясните. Так нельзя запрещать.» А воровство какое было? Тоже будь здоров. И по этому поводу — собиралось тоже родительское собрание. Приятно было слушать это родителям? Нет. А приходилось. В общем, как вам сказать... пережила я многие вещи. Они у меня, между прочим, все время крутятся в башке.

Д. Ч. А вам приходилось спорить с кем-нибудь из учителей о том, как правильно преподавать?

Н. Е. Что преподавать?

Д. Ч. Предмет.

Н. Е. Ну... я ходила по урокам, смотрела, как люди преподают. Между прочим, Блюмина вот — которая вообще очень хороший преподаватель литературы — а все-таки, уходя, я ей сказала: «Надо меньше любить себя».

М. Ф. А почему вы ушли, Нина Евгеньевна?

Н. Е. Из-за дочери и внука. Дочь пошла на работу. Сделала я правильно в то время? Вот теперь я рассуждаю: абсолютно неправильно. Но так как началось новое веяние — вот как Марина говорит, школа, которая была, и школа, которая есть теперь, и те задачи, которые там ставят... ну, не знаю, я бы не справилась наверняка.

Вообще, это меня возмущает: ты давай сажай в класс здоровых детей, рядом с ними посади больных. Это что, как обычный учитель может разорваться на два разных контингента, вы мне можете объяснить? Нет. Кроме того, ведь дети по своему характеру, если они увидят, что что-то не так, они, понимаете, начинают очень часто насмехаться. Правда? Правда. Можно их вот так сразу держать в одном классе? Нет. Прежде, чем это делать, нужно провести определенную работу, это задача не обучения, а воспитания. Но учитель как воспитатель в самом хорошем смысле этого слова сейчас отсутствует, на мой взгляд. Зато перешли на цифровую систему, на эти самые кнопочки всевозможные, и так далее, и так далее. Но это — то, что там наверху, этот Калина... тьфу, вот все, что я могу сказать.

[...]

С чего я начала в 57 школе — с кабинетов. С той же самой химии, и с физики. В кабинет химии провела воду.

М. Ф. А как же они там пробирки мыли до того? Ходили с ними в туалет? Как они жили, пока не было труб?

Н. Е. А откуда я знаю? Понятия не имею, как они жили. Значит, там была заведующая кабинетом — Серафима Зиновьевна. Она еще жива, правда, она прикована к постели. 94 года ей сейчас. И тогда пришла Ленка Стрельникова вести химию, и мы ходили на ее уроки. Ох, как она это дело не любила!

М. Г. Конечно. А кто ж любит? По молодости.

Н. Е. Ну, не знаю, не знаю.

М. Г. Подождите, была Серафима Зиновьевна — а еще была Светлана. . .

Н. Е. Светлана Рафаиловна. Она была в «ашных» классах, а Серафима Зиновьевна была в «бешных», «вешных», вот. Кабинет физики захламлен был, потому что учитель физики. . . ой, а я еще одной вещи вам не сказала. Значит, так — кабинет физики был захламлен манатками всевозможными; может быть, приборами, но они никогда не использовались на уроках для демонстрации. А учитель физики гулял по коридору и наслаждался жизнью.

М. Г., М. Ф., Ю. Ф. А кто это был?

Н. Е. А вот как его фамилия, нарежь меня, не знаю.

М. Ф. Там же был еще замечательный учитель Бронфман! Уже в начале был Бронфман.

Н. Е. Вот я-то его и вытурила.

М. Ф. За что?

Н. Е. А это был тот, кто гулял по коридорам вместе с Клешиной Надеждой. О ней я сейчас расскажу. Тогда ведь как было — было, конечно, РОНО. Но как бы оно ни висело над нами, по тогдашним меркам оно нам попустительствовало. А тут меня вызывают в Горком. Вызывают потому, что, как потом выяснилось, пришла определенная бумажка, донос. Донос на школу и на меня в том числе. И вот тут как-то интуиция сработала, что ли — я не одна туда пошла. Я взяла с собой Вадима

Александровича и Льва Николаевича. Один из них — вы знаете кто, и другого знаете. Лев Николаевич — это военрук, а Вадим Александрович — учитель истории, секретарь партийной организации. Вот явились мы втроем, троица. Они на нас смотрят. «Ну и что, — я говорю, — что там произошло-то? Может быть, расскажете и покажете?» — «Да нет, не стоит,» — говорят они. И отпускают рабов божиих.

Ю. Ф. А что произошло на самом деле? Кто написал донос?

Н. Е. А это ко мне Клешнева приставала: «Нина Евгеньевна, правильно говорят, что революция произошла из-за евреев-большевиков?» Я ей отвечаю: «Меня там не было, понятия не имею».

М. Ф. А кто такая эта Клешнева?

Н. Е. Учительница литературы. Вот она сманила Овчинникова, к сожалению... потом там родился ребенок, а Овчинников ушел на тот свет.

М. Ф. А кто это?

Н. Е. Овчинников, учитель физики.

Ю. Ф. А еще был другой Овчинников, директор второй школы и тогда, и сейчас. Он у нас был преподавателем истории, когда вторую школу разогнали.

Н. Е. Разогнали. Зато сейчас вторая школа называется «Лицей», он там опять директором, и она процветает.

М. Г. Но тогда, в восьмидесятые годы, несколько лет он работал у нас.

Н. Е. Ты знаешь, я не помню — видимо, очень мало он у нас пробыл.

[...]

Д. Ч. А скажите, когда вы в школу пришли, были там капустники уже, вот это все?

Н. Е. Капустники при мне были. И учителя в этом деле участвовали, на сцене выступали.

Д. Ч. А какой запомнился больше всего, и какой это был год?

Н. Е. Опять год. Не помню я года, а так — Рафаил там выступал, другие... Выступали ведь не только на капустниках. Ну вот Кленицкая

и Галина Анатольевна Соколова — они были друзьями. У Кленицкой сын разъезжал в качестве трамвая по коридору.

М. Ф. Ивантер, да?

М. Г. Конечно, это Ивантер.

М. Ф. А на чем он разъезжал?

Н. Е. Так, сам. И звенел.

(смеются)

М. Г. Нина Евгеньевна, а расскажите...

Н. Е. Да Нина Евгеньевна тоже была хороша. Когда ходишь по коридорам, видишь взаимоотношения ребят? Видишь. Бывало, идешь, в руках журнал, видишь что-то не то — ну и хлоп его по спине этим самым журналом, свернутым в рулон.

Ю. Ф. Да, многие помнят, как вы ходили по коридорам. При мне вспоминали такой случай — ну, как всегда — кто-то кого-то обозвал жидом и в ответ получил по морде. А вы проходили мимо, увидели это и говорите: «Правильно, молодец, дай ему еще раз».

[...]

Н. Е. Была еще Маринка Букина, учитель литературы.

М. Ф. Она у меня как раз вела литературу!

Н. Е. До этого она была лаборантом у Серафимы Зиновьевны⁷, Маринка, да? Значит, открываешь журнал, «трррррррр» — двойки сплошные, мать честная! «Марина, это что?»

А я, значит, тогда провожу педсовет. А педсовет я провожу такой: «Граждане, я открываю журнал. Что я вижу? Двойка, потом рядом пятерка — и потом что, выводите среднее арифметическое?» Я говорю: «Так не годится. Двойка — значит, не знал, так? Либо заставьте его делать что-то дома, и после этого эту двоечку исправьте рядышком, либо позанимайтесь с ним». Ну, и прежде всего я сама так делала. Поставила двойку — ну, давай-ка, на следующий урок я тебя спрашиваю. Или ты сделаешь что-то. ... Приходили с проверкой на уроки черчения. Ну

⁷Леша Васильев сообщает, что Марина Михайловна была лаборанткой у Герша, то есть, учителя физики Игоря Гершевича Лисенкера.

хорошо, видят — ученики сидят с циркулями, с карандашом. Ну и ладно. Потому что все равно методиста по этому предмету не было.

М. Ф. А рисование вы не вели, только черчение?

Н. Е. Почему же — в детских школах вела и рисование. И в 57 школе вела какое-то время...

А кабинеты мы сделали в конце концов. Химии кабинет был? Был. Географии был? Был. Черчения был? Был. Биологии был? Был. Так? Вот требовало начальство, чтобы были плакаты в кабинете математики, у Рафаила. Господи, нужны были ему эти плакаты, как собаке пятая нога! Но что делать, я привесила ему плакат: то ли гиперболу, то ли параболу там, то ли синусоиду нарисовала, и все в порядке. Зато потом, когда я вот недавно к нему приходила — сколько там, два-три года тому назад — о, теперь у него много всякого висит на стенах. А в те времена делали мы эти плакаты — не было бумаги — на черном фоне. Вот приходит комиссия — что это они у вас на черном фоне? А что такого — непонятно, что ли?

М. Ф. А что, была черная бумага, да?

Н. Е. Черная бумага была.

[...]

Все было. Было весело. Вот раз меня, рабу божью, послали проверять одну из школ. А я уже работала в пятьдесят седьмой школе тогда. И что, я буду сейчас распетрушивать эту школу, что ли? Не буду. Так, я что-то там промямлила во время этой самой проверки и все, ушла — до свидания, гуд бай, Джонни.

А больше всего приходили у нас на уроки Елены Степановны. Там целое было нашествие.

М. Ф. А почему?

Н. Е. А я не знаю, почему. Может, Елена сама захотела. Рядом с ее кабинетом я прикрыла туалет, и она там организовала...

М. Ф. Подсобку, да?

Н. Е. Да, и она там хранила все это хозяйство — карты свои... Между прочим, она и сейчас вспоминает, что хорошо бы оттуда что-то такое забрать. ...Каждый из нас с определенным вывихом, деваться некуда.

[...]

Ю. Ф. А сколько примерно человек директор школы одновременно помнит в лицо?

Н. Е. Ну, сейчас-то уже...если детские лица, я помню. Если уже взрослые лица — нет. Вот когда я была на сборище класса девятого «в» — зарежьте меня, не узнала.

Кроме всего прочего — понимаете, девочки — это одна ипостась. Они не возникают! А в памяти откладываются хулиганства. Так что я запомнила очень хорошо Зигангирову Юлю...

Ю. Ф. Она хотела с нами прийти, но заболела!

Н. Е. Такая девочка активная, что будь спок, да. А остальные тихонькие девочки сидят. А кто там возникает — мальчишки! Вот на них-то мое было, так сказать, око положено. Разные мальчишки-то были. Вот, Мароханов сейчас исчез из поля зрения, а вообще очень часто звонил раньше.

М. Г. Нина Евгеньевна, мне кажется, что когда вы работали, вы всех детей знали по именам, по фамилиям, и еще при этом родителей.

Н. Е. Да. Ну, как вы уже поняли, основа моей работы — работа с детьми и с родителями... так что запоминались лучше те, которые проказничали. К сожалению, так! Ну все, я выпотрошила из себя все, что могла, теперь я, наверное, успокоюсь. Потому что иногда мне все это начинает — что так делала? что не так делала? зачем? — и так далее, и так далее.

Д. Ч. Интересно, хулиганы и проказники потом как — остепеняются?

Н. Е. Однажды я была в магазине. Ко мне подходит один молодой человек: «Скажите, пожалуйста, вы были директором школы?» — «Была директором школы», — «Спасибо вам большое!» А за что мне «спасибо большое»? А он разбил камнем окно, а я, так сказать... никакого вреда ему не причинила, и особенно — с родителями не стала на эту тему разговаривать. О, что запомнил!

М. Г. Я могу вам тоже рассказать; это одна из «рождественских историй». Есть такой сейчас Слава Маслов. Он сейчас дизайнер, дизайнер по коже. Он шьет сумки, у него свой showroom в ГУМе, в ЦУМе; сумки,

там, не знаю, косухи, что-то еще. А был он из семьи, в которой родители были лишены родительских прав; насколько я помню, были они алкоголики. И он рассказывал следующее. «Нина Евгеньевна знала, — он говорит, — что наших родителей вызывать не нужно. Она, — говорит, — нас с Андрюхой Чугуновым, — если вы такого помните...»

Н. Е. Ха. Конечно!

М. Г. «...завела в кабинет директора, дверь, — говорит, — закрыла. Потом, — говорит, — из стола достала прыгалки. И так, — говорит, — нас по кабинету прыгалками гоняла! С той поры мы точно знали, что в кабинет директора лучше не попадать». Но при этом у него, я считаю, такая история рождественская, ровно потому что человек, который после школы пошел в швейное ПТУ, потом его буквально выкупил дядька с конвейра — это уже были девяностые годы, — выкупил с завода, и дальше он отрабатывал у дядьки эти деньги, и он научился всему. То есть, он умел шить — ну, вот просто «от» и «до». [...] А в этом году — это я не знаю, для записи или нет — наверное, нет. Это было такое счастье. Вдруг он звонит и говорит: «Марина Георгиевна, а можно, я сделаю учителям подарки?» — Я говорю: «Можно». А дальше он принес сумки, которые он сам, вот, сшил. Учителям многим, которые...

М. Ф. Незнакомым?

М. Г. Абсолютно! И он говорит: «Вот я вам принес, а вы сами решите, кому что отдадите». И надо было видеть счастье... а счастье в том, что вот мы — ему — не нужны совершенно ни-за-чем. У него дочка закончила школу. Он в кукольном театре тогда играл, кукол этих шил. Он привозит до сих пор какие-то там обрезки кожи, ткани в этот кукольный театр. И он говорит — он сейчас кончил даже какой-то институт — он мне говорит: «Вы помните, как я задачки-то решал? Три пишем, два в уме. Я сейчас пришел, — говорит, — в институт, а они все вообще ничего не решают. А я-то могу!» И вот это такая судьба, совершенно... Во-первых, это счастье. Он помнит все! Вот он помнит — он помнит школу, он помнит Нину Евгеньевну, он помнит, что вот — это то, что было сделано.

[...] Он такой... он, конечно — ну, я не знаю там... он не стал, наверное, каким-то суперинтеллигентным человеком... но ощущение от него абсолютно порядочного, абсолютно успешного человека.

Н. Е. А почему это каждый обязательно должен стать суперинтеллигентным человеком?

М. Г. Так вот я и говорю, что чудо — оно случилось, и это рождественская история.

Ю. Ф. А вообще, сколько человек вас помнят, Нина Евгеньевна, и радуются, что вы есть — это не сосчитать.

Д. Ч. Вчера вспоминали — много. Много очень.

Н. Е. То-то я думаю, чего это я икаю.

Д. Ч. А вот интересно, когда Михаил Ильич на должность заступал, он звонил совещаться? Случ, новый директор.

Н. Е. А он сюда приезжал, вместе с Мариной. Немножко поговорили.

(Д. Ч. допытывается, что же Нина Евгеньевна сказала новому директору, и что посоветовала. Обнаруживает, что она задала ему только один вопрос, и тот насчет одного из зданий, принадлежащих теперь к 57 школе. Ей стало известно, что в нем младшие классы переведены на верхние этажи, и вот она спросила, успели ли там расставить «шишечки», препятствующие катанию. Вспоминаем старую историю о том, как в исходном здании школы, когда еще не было шишечек, кто-то вставил в перила лезвие бритвы. История шишечек: вроде бы преподавательница английского Валентина Александровна Рожкова увидела такие в какой-то школе, а поскольку бритву в перилах все учителя помнили, то и позаимствовали шишечную технологию.)

Н. Е. [...] Очень много ходили в походы, так? И вот, пятая трудовая четверть.

М. Ф. А я забыл, что это. Это в начале лета?

Н. Е. Да. В документах у меня от работы в пятьдесят седьмой школы осталось только то, что я самая заядлая походница, потому что все грамоты у меня именно за эти походы. А Лев Николаевич (военрук) их возил там на свои какие-то военные дела. Выстраивается класс на первом этаже, там, где у нас столовая, Парни одни. А я иду мимо. И пою им: «Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваши матки?» И они отвечают. Дальше я им продолжаю эту песню. Запомнили они эту самую историю с проводами.

[...]

Д. Ч. А музыкальные инструменты тоже всегда были, да, в школе? Пианино всегда были, и все играли?

М. Ф. Там же раньше вообще была вокальная школа?

М. Г. Называлась она «певческая школа».

Н. Е. Это к нам кого только не совали! Во время олимпиады к нам милицию вперли. Ночевала она у нас.

Д. Ч. Как так?

Н. Е. А вот так, обыкновенно. Тут, понимаете, начало учебного года...

М. Г. Конец, конец тоже. Случ рассказывал, Михаил Ильич рассказывал, что его выпускной проходил, вот, по соседству с милицией, которая уже жила в кабинетах.

Н. Е. А потом вот эту самую певческую школу воткнули.

М. Ф. Она долго была.

Н. Е. Да, да. Впирали, понимаешь ли, не спрося, нужно или не нужно. А там к нам приходил еще какой-то артист, ты не помнишь? Нет, не артист... В общем, на третий этаж взбирается по лестнице Пушкин, и рядом с ним преподаватель этой самой школы. Что-то там этому преподавателю не понравилось, и он обращается к Сергею, спрашивает: «Как ваша фамилия?» Тот говорит: «Пушкин»!

М. Г. Он говорит ему на это: «Вы трус! Как ваша фамилия?» Это Пушкин курил. Пушкин курил в учительской, тогда курить было можно. А пришел этот певческий завуч, и он — ну — в атмосфере искусства... А тут дым.

Н. Е. А кто курит — а Пушкин!

М. Г. Мы тут вспоминали, у Пушкина был ученик в классе, Чехов. Он уехал за границу. И потом написал, что — пришлите там какие-то учебники. И, значит, Пушкин посылал их за границу Чехову. Там сбежалось пол Главпочтамта, смотреть, как Пушкин пишет Чехову за границу.

Н. Е. Слушай, Марин, по поводу Сергея, да? Он мне рассказывал, два или три года назад было дело, он с каким-то своим приятелем, учителем математики, заключил пари. И Пушкин проиграл. Тогда он должен был усесться на шею этого самого математика, явиться в класс и кричать «кукареку»! Я говорю: «Сергей, ты вообще соображаешь или нет?

В конце концов, потом ты нарвешься на такие неприятности, что мало тебе не покажется.» Но я его, по-моему, не утихомирила.

М. Ф. Это небось с Шириковым, да?

Д. Ч. И явился?

М. Г. Это было две разных истории. Он должен был из-под стола кричать петухом, а с Шириковым они иногда играют в лошадки. Он вывозит его на урок — это, правда, в одиннадцатый класс — сажает на стол. А еще у нас бывает кафедра математики. У нас кафедра математики очень серьезная, мы собираемся раз в два месяца. Все очень серьезно. Потом вдруг по коридору раздается цоканье такое, цок-цок-цок-цок-цок, ну и Пушкин въезжает на шее своего коллеги.

Н. Е. Но я его так и не утихомирила. . .

М. Г. Это был какой же год. . . Это при вас, наверное, было. Это была Масленица. Лещинер был тогда. . . и была в школе Масленица. Точно! Это вы еще были в школе. И во время Масленицы — мы отмечали ее в актовом зале, канкан плясали девчонки — а потом были гонки лошадок. И дети бежали, и бежал. . . наверное, Пушкин скакал на Лещинере. А поскольку они явно проигрывали. . . в общем, учителя скакали, и скакали дети. Они должны были проскакать весь зал, и там стоял живой столб. Надо было по нему хлопнуть и скакать обратно. На середине дороги, когда дети уже проскакали, столб взрослых побежал им навстречу. Они, значит, стукнулись руками, и, когда дети повернули обратно — они увидели, что учителя уже возвращаются на место.

М. Г. Вы помните — а, нет, это уже было, наверное, после вас. Вот когда тяжелые времена наступили, и были какие-то заказы, привозили еду к школе, и тут, значит, Пушкин с кем-то решили подшутить над Джемсом. И они написали, что будет выдаваться сухой коньяк в порошке. Вывесили объявление. Пушкин записался первым. Меня вписали, директора вписали. Джемс быстро записался, и ругался, что нам с Пушкиным достанется двойная порция, потому что нас двое.

(Нина Евгеньевна вспоминает, когда М. Г. пришла в школу; сначала она, а потом мы все расспрашиваем Марину Георгиевну. Выясняется, что М. Г. появилась в школе около 1976 года в качестве студентки Полины Массарской — учительницы математики; тогда ее работа была вести дополнительные занятия у учеников пятых-шестых классов.

После этого она участвовала в наборе класса, где учились Тэйф, Карпов, Лебедев, Куреничиков и т. д. — впоследствии 82 год выпуска. Набирал его Арнольд Яковлевич Блох. Учились они без «листочков» как таковых: получали задания по темам, сдавали тетрадки, учителя их проверяли и потом беседовали со школьниками. В 1979 году пришел С. А. Пушкин, и привел его, по словам М. Г., А. Е. Новодворский, с которым они были однокурсниками. Н. Е. спрашивает о «Славке Лещинере», заходит разговор об учителях вообще — тех, кто ушел, и тех, кто остался.)

М. Г. Нина Евгеньевна, очень немного людей, у которых школа становится жизнью. Это на самом деле означает — к сожалению — что у этих людей нет никакой другой жизни. Это правда.

Н. Е. Это правда.

М. Г. Просто люди, которые сидят до десяти-одиннадцати в школе — это люди, которых дома не ждут. Они получают от этого... То есть, я с удовольствием живу в школе. [...]

Н. Е. Мне сейчас понравился кабинет биологии. Особенно черепаха понравилась, которая сидит в аквариуме. Ты подходишь — сразу бросается! Кушать, наверное, хочет.

М. Г. Конечно. Их две там.

Н. Е. Ну ты, в общем, сказала все: когда человек остается в школе, личная жизнь идет мимо. Я тоже сказала: школа для меня — второй дом.

М. Г. Да какой второй! Какой второй дом, когда...

Н. Е. Ну, первый.

М. Г. Я ухожу из дома около девяти (утра), а прихожу часов в двенадцать (ночи). Вчера мы ушли в двенадцать. Сейчас я опять пойду в школу — сейчас расписание идет, составляем расписание. Иногда это два часа ночи, иногда полтретьего, но, с другой стороны — в школе можно поработать по-человечески только когда все уйдут.

[...]

Д. Ч. А вот еще такой вопрос — так получилось, что я задавал его двум другим директорам пятьдесят седьмой школы. Вот когда приходит

кто-то сверху и говорит, что обязательно надо взять в школу его дочь, или там сына... как быть с этим?

М. Г. Нина Евгеньевна, а мне кажется, что в те времена особенно высокопоставленные к нам и не приходили?

М. Ф. Ну как же, Нина Евгеньевна ведь рассказывала про маршала?

М. Г. Нет, ну маршал и маршал, это были единичные случаи. Ну, Силаев вот был.

Н. Е. Силаев учился. Там очень хороший министр был, Силаев, а вот жена его была тетка негодная. Вот эта вот тетка негодная эту вазу, которая тут стоит, мне подарила. А почему? А потому, что парень их, который учился в спецклассе, ему понравилась девочка из «ашного» класса. Девочка эта была, безусловно, легкомысленная — мягко выражаясь. Но эта женщина, она меня, извините, изнасиловала: «Поговорите с моим парнем!» — и Джемса. Джемс поговорил, я поговорила. Слава богу, что меня этот парень не отослал куда подальше. Я сказала: «Ну, ты подумай, пожалуйста, и так далее». Но — ведь неприлично это все.

М. Г. Ну а вообще-то раньше, в основном, все равно учились дети микрорайонные. В спецклассах — да.

Н. Е. Учились дети, которых набрали ребята Николая Николаевича, в этих спецклассах. Вот у Хазина мать говорила: «Куда ты идешь?» Он ушел из какой-то спецшколы, так? А потом он сказал: «Мама, я пришел в эту школу, как в свой родной дом — такое отношение учителей и учеников».

М. Г. Ну, просто того, что — как сейчас — звонок из аппарата президента, звонок оттуда, звонок отсюда — тогда этого не было.

[...]

М. Г. Помните, как после турслета (к Ю. Ф.) — это ваша параллель как раз — помните, вызывали школьников за то, что они на турслете пили? Ну, значит, кого-то одного там отчихвостили, второго отчихвостили. А дальше — стоит Крелин. Он когда еще входит, ему говорят: «Ты пил?» — а он говорит: «Нет», Ему говорят: «А чего ты тут стоишь?» — «А я собирался».

(смеются)

[...]

М. Г. Помните, как зал красили физкультурный? Сами. Марганцовкой — я с той поры знаю, что марганцовкой; помнишь, там была деревянная обшивка? — красят стены. Вот чтобы она и держалась, и смотрелась лучше, мы ее марганцовкой всю красили. Полы мы сами красили. Нина Евгеньевна, Валентина Дмитриевна, мы с Пушкиным...

Н. Е. Да, и во время этого самого дела приходит какая-то проверка. Какая-то бабенция спрашивает: «А где директор?» А директор стоит напротив. Я отвечаю: «А кто ее знает? Понятия не имею.»

(смеются) [...]

Н. Е. Я еще пыталась там делать детское, то есть, ученическое самоуправление. Я помню очень хорошо, Коренблюмы — там было два брата — приходили они ко мне, домой прямо, и мы с ними обсуждали это дело. Ну, радиорубку мы устроили, по-моему, там Бочавер этим делом — Алешка, да? — занимался, и так далее. А так, как-то не привилось.

М. Ф. Это в классе Вайнтроба, Коренблюмы.

[...]

Д. Ч. А вот скажите, пожалуйста, у вас был какой-нибудь план по тому, что должно быть, или это все как-то так совершалось, по наитию? Какие люди должны быть в школе?

Н. Е. Люди?

Д. Ч. Да.

Н. Е. Как это можно? Люди есть люди. Каждый индивидуален.

Д. Ч. Я про учителей сейчас.

(Н. Е. задумывается и начинает рассказывать про учителей — Се-
рафиму Зиновьевну (химия), Рафаила Калмановича (математика; ха-
рактеризует его как «интеллекта высшей марки»), Елену Степа-
новну (география) — говорит домашние, родственные слова, из которых
становится ясно, что школа — это действительно дом, а в такой дом,
который обустроился при Нине Евгеньевне, люди идут сами. Иногда —
как нам теперь известно — им подсказывает дорогу Николай Никола-
евич Константинов. Но Н. Е. не выбирает их штучно, просто в доме,
если угодно, такой воздух, что им не хочется уходить.)

О высшем руководстве

Этот раздел будет очень коротким: работает цензура. Достаточно сказать, что по вопросу государственной (или религиозно-партийной?) символики Нина Евгеньевна высказалась так:

Н. Е. Была у меня собака, которая, как только слышала звуки «Интернационала», начинала выть. Приходилось срочно принимать меры, потому что, если бы донесли...

Биографическое: расспрашиваем о жизни и о картинах на стене

Ю. Ф. Нина Евгеньевна, а вы сами в какой школе учились?

Н. Е. Я училась в 91 школе, которая была разрушена во время этой самой — бомбежки. Был стык Большой Молчановки и Поварской, вот где это было. Там я и училась до 14 лет, а потом началась, значит, эта самая заваруха⁸, на один год меня отправили в Казань, к родственнице, а потом я вернулась и была уже здесь.

[...]

Ю. Ф. Нина Евгеньевна, а где вы научились рисовать⁹?

Н. Е. В художественной школе имени 1905 года. Точнее, это не школа была, а училище.

Ю. Ф. То есть, вы учились в училище художественном?

Н. Е. Я — да, его и окончила. Я там пять лет проучилась, и четыре года только в институте.

Ю. Ф. А как вы догадались, что вы хотите стать учителем?

Н. Е. А я не догадывалась. Я же уже сказала [до включения диктофона]. Я понимала, что из меня настоящего художника не будет. Потому что я вижу — я пишу, а что надо вообразить — этого не могу.

(Выясняем, что Н. Е. окончив десятилетку и художественное училище, пошла в Пед. институт и окончила его с дипломом художника-педагога.)

[...]

Ю. Ф. А у вас были какие-нибудь школьные друзья? Вот нам же вы сделали так, что у нас школьные друзья на всю жизнь были. А у вас так было или нет?

⁸То есть, война.

⁹В комнате у Нины Евгеньевны висят картины: карандашные портреты, цветы. В карандаше: друг Н. Е. со школьных времен, он упоминается ниже; очень красивая юная девушка — автопортрет. Цветы стоят в вазах. О происхождении этих картин мы знаем от Марины Георгиевны: Н. Е. не может просто так выкидывать увядшие цветы. Должна их сначала нарисовать, чтобы они сохранились и дальше поживали себе нарисованными; тогда еще ничего, можно.

Н. Е. Почему нет — из детской школы, да. Тамара Казакевич и Сниткова Елена. Два человека. И был еще Борька Нахапетов, он тоже уже ушел¹⁰. А вот эти две — да. Мы перезваниваемся. Вместе кончали седьмой класс. Потом меня отправили в Казань, я в Казани кончала восемь классов. И что это было за...эх, господи ты боже мой. Я запомнила следующее, прямо в память мне врезалось: значит, под потолком висит какая-то эта самая...коптелка, да? — и сидит под ней ученик, а у ученика руки нет, вместо руки выползает из самого плеча пятерня! А потом я его встретила как учителя истории. На меня это произвело потрясающее впечатление. Просто кошмар.

...И — это мороз, сорок градусов. Ноги отморожены, руки отморожены. Значит, когда была пересадка в Муроме, пересадили в этот товарный поезд, махнули¹¹ чемодан с манатками, в общем...Такое вспоминать — лучше не вспоминать.

М. Ф. А вы с родителями ехали в эвакуацию?

Н. Е. Нет. Мать была на войне тридцать девятого года в качестве медсестры, в следующем году она работала на заводе «Красная Пресня». Отец — белобилетник, язва двенадцатиперстной кишки. Они остались здесь.

М. Ф. В Москве?

Н. Е. Да. А меня отправили. А через год ровно я сюда приехала, то есть, мать за мной приехала и вернула. Кончилась бомбежка — а они боялись этого. [...] На заводе «Красная Пресня» мама работала медсестрой.

М. Ф. А папа кем работал?

Н. Е. Рабочим, на том же заводе.

М. Ф. А братьев и сестер у вас не было?

Н. Е. У меня был брат от первого брака моей мамы. Значит, тогда была мода — я ее очень хорошо помню — мальчишки хватались железными крюками за борт проезжающего грузовика, и таким образом катались. И мой брат так покатался. Он упал, разбил себе голову, разбил

¹⁰Здесь: умер.

¹¹Здесь: украли.

физиономию; после этого он был глубоко больным психически человеком. Его забрали. Мы его навещали. Но он уже никого не узнавал, и это все было — конец.

Н. Е. А вот когда ломали новый Арбат, я жила на Собачьей Площадке. [Примечание от М. Ф.: место, где были псарни Ивана Грозного.] Вам такая штука знакома? Это там, где сейчас разъезжают машины, где Новый Арбат. А тогда нас отправили в хрущевские дома, пятиэтажки.

Значит, почему дали двухкомнатную квартиру. Вот эти пятиэтажки — там все совмещается: коридор с комнатой, ванна, коридор с кухней, которая там пятиметровка, и проходная комната большая. А там, где мы до того жили, это было общежитие, можно сказать. В одной комнате жил отец с матерью, в другой комнате жили те люди, которых — раскулачили, не раскулачили, во всяком случае, исходно это была их квартира, тетя Нюта со своим братом — и в третьей комнате жил еще третий человек.

М. Ф. Это на Собачьей Площадке? А вы там с рождения жили?

Н. Е. Да. Там я родилась, там потом по мне бегали мыши, потому что помойки были наводнены крысами, в общем, это все весело очень было.

...Значит, эта квартира была на проспекте Вернадского. А школа пятьдесят седьмая — вы сами знаете, где. И для того, чтобы добраться до работы, я должна была ехать на автобусе, а потом только на метро. И вот она [Лия Давыдовна Кузнецова, зав. РОНО] меня встречает и говорит: «Нина Евгеньевна, это вы здесь живете?» Я говорю: «Да». — «Ну-у... вы что-то забрались далеко от школы». А все остальные директора ютились там, где они были директорами. И меня вызывают в исполком: «Мы вам предоставляем квартиру. Но не думайте, что мы вам даем трехкомнатную: мы даем вам двухкомнатную квартиру», — это рядом с Плющихой.

Д. Ч. Получается, вам много везло на людей?

Н. Е. И сейчас везет мне на людей! Если бы не они...